

Б. И. Хасан ПРИРОДА И МЕХАНИЗМЫ КОНФЛИКТОФОБИИ

Б. И. Хасан, один из известных отечественных исследователей конфликта, отмечает бесперспективность «монопредметного» изучения конфликта как социального явления и рассматривает трудности, которые мешают определить конфликту достойное место в ряду научной предметности и социальной практики. Рассматривая составляющие механизма «конфликтофобии», автор определяет направления деятельности по преодолению феномена конфликтофобии. В целом автор обобщает опыт «конструктивной» конфликтологии красноярских психологов.

Печатается по изданию: Хасан Б. И. Психотехника конфликта и конфликтная компетентность. — Красноярск, 1996.

Рассмотрение конфликта с позиций функционального подхода (в деструктивной или конструктивной функциях), т.е. полагание его как условно естественного явления человеческой жизни и деятельности, уже требует неоднозначного отношения и в научном исследовании, и в психопрак-тике. Но даже такой, допускающий не исключительно отрицательную, но и положительную функцию, подход встречал и до сих пор встречает весьма заметное сопротивление в научном психологическом сообществе. И уж тем более утверждается непросто в прикладной психологии конфликт, который претендует на роль психотехническо-го средства, создаваемого искусственным путем для разре-шения противоречий.

В значительной мере такая ситуация складывается в связи с продолжающимися попытками монопредметного изучения конфликта, хотя уже должно быть ясно, что усилиями одних психологов здесь не обойтись. Разработки в области диалектической логики, этики, оргуправления и содержания той деятельности, в которой возникает конфликт, — необходимые и, по-видимому, неисчерпывающие условия для системного рассмотрения такого сложного объекта, как конфликт.

Что же выступает помехой для кооперации разных предметно-профессиональных позиций?

Важнейшее противоречие, которое нам необходимо разрешить, определяя место конфликта в социальной практике, индивидуальной психологии и научной предметности, заключается в:

- 1) достаточно очевидном понимании функций конфликта как механизма разрешения противоречий в дейст-вии, обеспечивающих тем самым развитие человека и общества;
- 2) достаточно очевидном и весьма устойчивом страхе перед конфликтом как экзистенциальным фактом. Социологические и психологические исследования показывают, что никакие уговоры, научные объяснения не-збежности или даже полезности конфликта никак не снимают (даже не снижают) конфликтофобии как социального явления и факта индивидуального переживания.

Предпринимаемые попытки разведения понятий со-держательного (хорошего) и

коммунального (плохого) конфликтов, по-видимому, малоэффективны, поскольку дело здесь не столько в удачных или неудачных названиях, сколько в сложившейся культурной традиции, которая определенным образом транслируется за счет передачи норм через обучение, искусство, науку, религию и вместе с тем находит собственные основания и соответствия в он-тогенезе индивидуальной психической жизни.

Вывод вроде бы прост: нужно закладывать и последовательно выращивать новую культурную традицию, используя прежде всего каналы образования. Для этого необходимо вскрыть успешно работающие в настоящее время основания и психологические механизмы конфликтофобии, чтобы создать условия введения конфликта как содержательного и формального элементов образования.

Важным это представляется и с терапевтических позиций, для которых достаточно типичны ситуации избегания разрешающих конфликт стратегий именно потому, что разрешение требует построения или конфликтной актуализации, а для пациента — ввергания в новый конфликт.

Наиболее важный пункт в психологическом обсуждении конфликта заключается в том, что любой конфликт независимо от его содержания и феноменальной представленности (внешний или внутренний) образуется как структура расщеплением «Я» (или другого типа целостности), а как процесс — взаимозменением столкнувшихся действий (образов действий).

Настаивая на том, что этот тезис имеет отношение не только к внутреннему, но и к внешнему конфликту, хочу обратить внимание на достаточно типичное игнорирование существенной разницы между столкновением и взаимозменением деятельности и «натолкновением» и изменением одной деятельности (без характеристики «взаимо»).

Исследования интроспективных фиксаций в том и в другом случае показывают, что существуют, по крайней мере, два типа интерпретаций инцидента (независимо от бихевиоральной, гештальт или когнитивной ориентации), которые являются основаниями для дальнейшего разворачивания действий либо как конфликта, либо как преодоления препятствия (еще раз специально подчеркиваю это как разное). Второй вариант традиционно понимается как фрустрация со всеми возможными вытекающими отсюда исходами, в том числе и конфликтом. Но это как бы лежит в нем дальше. Первый же вариант интересен тем, что в нем сразу реализуется расщепление определенной целостности на носителей разных действий.

Таким образом, я утверждаю, что взаимоприятие каждой из столкнувшихся сторон действий (образов действий) другой стороны — сцепление с момента столкновения и вплоть до разрешения — автономизации действий с новыми или сохраненными качествами и возвратом целостности — есть необходимый атрибут любого конфликта и, более того, его сущностная характеристика как организованности и специального психологического явления.

Вариативность действий (образов действий) немедленно рождает болезненную трудность выбора. Поскольку одновременно действие может быть совершено только одно, то выбор требуется однозначный.

В традиционно-психологическом понимании содержание действий выбора представляет собой ядро картины конфликта. Основная ее проблематика состоит в том, что расщепление «Я» или какой-либо другой целостности образует одновременно несколько инстанций, актуализация которых в неизменном виде невозможна. Например, актуализация учительской позиции по отношению к ученику делает невозможной

одновременную актуализацию родительской позиции; какая-то из них или обе должны измениться для решения одной ситуации.

Существование подинстанций расщепленного «Я» допустимо в двух случаях: либо как бездействующих потенциальных, либо действующих в разном времени или пространстве. Последний случай вместе с тем всякий раз подразумевает как ведущую какую-то одну подинстанцию.

Понимая, что такой подход является линейным, я, опираясь на традиции изучения конфликта в психологии и современные практики конфликтного менеджмента, пока оставляю открытым вопрос о возможности нелинейного многоуровневого рассмотрения. Здесь же считаю важным подчеркнуть, что необходимость однозначного решения (линейная модель) напрочь отбрасывает те диапазоны стратегий поведения в конфликте, которые предлагаются, например, М. Дойчем или К. Томасом. Такой диапазон может быть реализован исключительно во внешнем взаимодействии, то есть в тех случаях, когда основа-ния действий не открыты участникам и могут рассматриваться как индивидуальные ресурсы сторон.

Так, например, по мнению М. Дойча, проблема регуляции конфликта требует решения трех центральных вопросов:

- «1) каковы условия, необходимые для институализации и регулирования конфликта;
- 2) каковы условия, создающие возможность урегулирования конфликта непосредственно сторонами;
- 3) каковы условия, при которых возможно конкурентное и кооперативное разрешение конфликта» (курсив мой. — Б. Х.).

И далее еще определеннее о возможностях урегулирования:

- «1) конфликтные стороны должны быть сами по себе организованы;
- 2) каждая сторона должна быть готова признать законность требований другой и принять результат урегулирования конфликта, даже если он оказался вне ее интересов;
- 3) необходима принадлежность к одной общности».

Понятно, что возможность применения кооперативной или компромиссной стратегии предполагает возможность неоднозначного, фрагментарного, откладывающегося решения, оставляя вместе с тем линейную картину развития конфликта в промежутке между полюсами:

выигрыш	проигрыш
Сторона А	Сторона Б
проигрыш	выигрыш

К. Томас раздвигает диапазон стратегий еще шире, добавляя к трем, предложенным М. Дойчем, еще две: избегание и приспособление. При этом если оставаться в рамках линейной схемы, то однозначное решение, неизбежно требуемое в условиях, когда участники конфликта субстанционально не разведены (буквально не противопоставлены), может быть реализовано только в стратегии конфронтации. В нашем же случае все инстанции рассматриваются как «Я», но с разными образами действий.

Преодоление такого расщепления (разрешение конфликта) и восстановление единства — целостности «Я» — в ситуации выбора порождает самую тяжелую (потому и болезненно переживаемую) проблему отказа. Отказ от одного из образов действия

означает вместе с тем и необходимость дискредитации инстанции-носителя (автора), а ведь это тоже «Я»!

Итак, я подчеркиваю первую составляющую механизма конфликтофобии, которая формулируется примерно так: «Конфликт — это выбор; выбор — это всегда отказ; отказ от себя, даже частично — болезненно и страшно!».

Этот механизм необходимо (неизбежно) существует на базе необходимого (неизбежного) конфликта — в обыденном сознании как стремление избежать или изжить то, чего избежать невозможно. Индивидуальный опыт личных переживаний подобного типа формирует соответствующие фобические установки.

По З. Фрейду, разрешение ситуации выбора реализуется за счет субординации в структуре личности, где за инстанциями «Оно» и «Сверх-Я» стоят такие основания, которые заведомо обладают различным ресурсом. При этом «Оно» всегда представляет собой всю энергию либидо (природного влечения). В этом его сила. «Сверх-Я» имеет строгую нормативную структуру и вполне определенные формы запрета цензуры. За этой инстанцией стоит вся мощь социальной организации общества и возможность санкций и нарушение установленных норм. Именно инстанции «Я» предстоит всякий раз солидаризироваться с одной из «высших» инстанций и, соответственно, рисковать. Дискредитации же одной из инстанции в психоанализе соответствует вытеснение. Но ведь все исследователи практики психоанализа уже давно знают, чем чревато вытеснение.

Это означает, что в линейной схеме конфликта для еще действительного разрешения, а не отодвигания суб-лимирования, необходимо прийти к мысли об «уничтожении» одной или нескольких инстанций, чьи образы действий не реализуются, и тем самым обеспечить однозначность и стабильность выбора либо смириться с постоянной угрозой расщепленности — возрождение конфликта. Здесь вторая составляющая механизма конфликтофобии: «Уничтожить конфликтующую часть «Я» невозможно, поскольку это суицидально подобный акт, следовательно, «Я» обречено в случае однажды состоявшегося конфликта постоянно пребывать под угрозой его непрогнозируемой актуализации». Эта составляющая присуща более глубокому экзистенциальному уровню и поэтому представляет собой более основательный фундамент конфликтофобии. Если предложенные здесь спекуляции допустимы(*), то, повидимому, возможны два направления в преодолении феномена конфликтофобии.

1. Создание культуры «уничтожения» (как бы странно и страшно это ни звучало) инстанции, чье действие не может быть реализовано как разрешающее — результирующее столкновение. В зависимости от содержания представленных в конфликте противоречий необходима и разработка диапазона соответствующих психотехник-приемов, обеспечивающих «уничтожи-мость». Здесь, наверное, следует особо оговорить содержательную сторону конфликтов, поскольку столкновения, например, на нравственной почве могут по-требовать своих «табу» на «уничтожение». Сконструированные и опробированные нами эксперименталь-ные методики, направленные на экстериизацию («ов-нешнение») внутреннего конфликта при решении коммуникативных задач, показали, что идея «уничто-жения» инстанций не так уж фантастична, как может показаться на первый взгляд.

2. Воспитание такой культуры конфликтования, при ко-торой всякий раз могут быть использованы основания обеих (в более сложном случае и большего числа) инстанций как строительный материал для выращивания нового действия (деятельности). По сути,

речь идет об образовании потенциальной надинстанции, в которой при любом расщеплении сохраняется целостное рефлектирующее «Я».

В этом направлении только и можно реализовать нелинейный подход к конфликту и действительному разрешению воплощенного в нем противоречия.

При этом слово «воспитание» здесь несет особую нагрузку, так как подразумевает специальные психолого-педагогические работы, включенные в достаточно ранние стадии возрастного движения личности. Именно на этих стадиях в начале развития игровой деятельности, а затем учебной у ребенка еще нет конфликтных стереотипов, еще нет фобий перед расщеплением «Я», что избавляет его от предконфликтного фобического переживания, появляющегося у взрослого человека за счет распознавания конфликтогенных признаков ситуации.

Примечание:

(*) Проведенные нами исследования достоверно подтверждают наличие первой составляющей как вполне сознаваемый испытуемый фактор.